

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО
собрание сочинений · том 9

Собрание сочинений • том 9

ЕВГЕНИЙ
ЕВТУШЕНКО

Москва 2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е27

Составление *Евгения Евтушенко*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной
целевой программы «Культура России (2012—2018)»

Фотография на обложке: © Алексей Филиппов / РИА Новости

Портрет Евгения Евтушенко работы художника
Владимира Зунузина

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива Евгения Евтушенко

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Евтушенко, Евгений Александрович.

Е27 Собрание сочинений. Т. 9 / Евгений Евтушенко. —
Москва : Эксмо, 2018. — 800 с. — (Собрание сочинений).

ISBN 978-5-04-094078-3

Собрание сочинений Е.А. Евтушенко представляет творчество выдающегося поэта и писателя во всей полноте, подытоживает все лучшее, что он сделал за свою жизнь: любовную и гражданскую лирику, 22 эпические поэмы, по которым можно изучать и историю России, и жизнь всего человечества. Ведь он выступал с чтением стихов, помимо всех регионов родины, в 96 странах, и его стихи, переведенные на 72 зарубежных языка, учили людей во многих странах свободному, незашоренному мышлению, разрушая железный занавес.

В книгу включены стихотворения и поэмы 2001—2016 годов, главы из последнего незавершенного романа «Берингов тоннель».

«Роман, который называется «Берингов тоннель», включает в себя два периода — два времени. Первый период — начало Великой Отечественной войны, 1941 год, история о том, как я бежал с одной девочкой на фронт бить фашистов...

Второй период — когда я в первый раз поехал в Америку. Это было в 1960 году. Нас принимали как делегацию, в том числе в сенате США, где нам показали премьеру фильма «Неприкаянные» с Кларком Гейблом и Мэрилин Монро».

Евгений Евтушенко

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Евтушенко Е. А., наследник, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094078-3

**САМОЕ ГЛАВНОЕ СЕЙЧАС — ОСТАНОВИТЬ КРОВЬ.
ВСЕ ИДЕОЛОГИИ, ВМЕСТЕ ВЗЯТЫЕ, НЕ СТОЯТ
И ОДНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ¹**

Много лет назад после дня рождения Роберта Кеннеди один из его гостей предложил мне свою машину, чтобы добраться до Вашингтона. Было уже за полночь, и я спешил на свидание в ночной ресторан. Собеседник представился секретарем Макнамара. В английском языке нет склонений, и я решил, что передо мной секретарь министра обороны США. Шел 1966 год, в полном разгаре война во Вьетнаме, но она была настолько непопулярна в мире, что когда венецианские гондольеры приняли меня за американца, то отказались брать на борт не только меня, но и мою спутницу. Я напел им несколько куплетов из любимой итальянскими антифашистами-партизанами песни «Выходила на берег Катюша», и они, поняв, что я русский, посадили нас в гондолу бесплатно, еще и вином угостили.

В то время 27 университетов Америки пригласили меня для поэтического турне. Президент Линдон

---

¹ Известный российский поэт Евгений Евтушенко по инициативе издания «ГОРДОН» написал колонку со своим видением и путями выхода из сегодняшней ситуации в Украине, а также передал для украинских читателей свой новый поэтический тетраптих. Приводим текст автора без изменений. — *Примеч. ред. издания «ГОРДОН».*

Джонсон, узнав, что я в США, через своего помощника позвал меня в Белый дом. Мне было бы, безусловно, интересно поговорить с американским президентом, да еще и с глазу на глаз, но я ответил ему честно в своем письме, что Союз американских студентов, который составлял мое расписание и всячески поддерживал антивоенные демонстрации, неправильно бы это понял, и выразил президенту вежливое сожаление. Посол СССР Анатолий Добрынин очень хотел, чтобы я встретился с Джонсоном, но я стоял на своем: не сейчас. Это было время эскалации конфликта и усиления бомбежек во Вьетнаме.

Человека, показавшегося мне секретарем Макнамары, я как бы в шутку спросил: «А это правда, что ваш босс такой уж крокодил войны, как его недавно изобразила левая хипповая газета в Сохо?» Он понял мою ошибку, но ему хватило чувства юмора, чтобы ответить со вздохом: «Этот крокодил, к сожалению, не мой босс, а я сам». Разумеется, после этого мы разговорились всерьез, и, зная, что я не какой-то желтый журналистик, а известный поэт, друг Роберта Фроста, Артура Миллера, Джона Стейнбека, Билла Стайрона, он мне сказал очень грустно и исповедалось: «Это вам покажется странным, но, наверное, никто в мире так не ненавидит эту вьетнамскую войну, как я. И я бы много отдал, чтобы ее остановить. Но большая война — как локомотив, движущийся по инерции: вы нажимаете на тормоз, а состав еще долго едет по живому...» Кстати, много лет спустя Макнамара летел через Москву из Вьетнама, куда приезжал вместе с документальным фильмом о Вьетнаме, со своими горькими и честными комментариями. Может быть, он кому-то и показался двуликим Янусом, но я свидетельствую, защищая его честь, что он и тогда, будучи министром обороны США, говорил то же самое, а остановить локомотив не

смог. А мы обязаны это сделать, иначе зачем же так называемое перемирие? Все те, кто его нарушает, должны быть объявлены военными преступниками.

Сколько же времени понадобится, чтобы остановить войну? Чем дальше, тем труднее это сделать. Я не хочу обращаться к тем, кто получает удовольствие и заработок мясников от многих войн, которые идут сейчас на планете, в том числе от одной из самых нелепейших и непростительнейших войн за всю историю человечества: народа Шевченко с народом Пушкина. Я заклинаю этими двумя именами всех тех, кто все-таки понимает, что неизбежно настанет день, когда нам всем придется покаяться в том, что сейчас происходит. Не надо только торговаться, кто первый начал, кто больше наубивал.

Неужели вы хотите, чтобы украинско-русская вражда превратилась в то, во что превратились бесконечные израильско-арабские взаимобийства? А в моих классах поэзии и киноклассе молодые арабы и молодые американские евреи братались после взрывов двух небоскребов-близнецов и стояли в очереди, чтобы сдать донорскую кровь жертвам этого чудовищного теракта.

В одной стране третьего мира мое имя без моего разрешения поставили под письмом в защиту детей Газы, и я сказал твердо и ясно: «Подпишу такое письмо только тогда, когда рядом вы мне дадите подписать письмо в защиту и еврейских детей». Слава богу, они, кажется, поняли это и извинились передо мной. Это не беспринципность — это должно стать общим принципом человечества. Иного спасения нет и не будет.

Священник Михаил Моргулис, много делающий для того, чтобы остановить кровь, где бы она ни текла, рассказал мне, как убили Людмилу Прохорову, врача детского интерната, где воспитываются жертвы врож-

денного ВИЧ мал мала меньше. Она шла после работы домой, еле держась на ногах. Мимо летел джип, из него полоснула автоматная очередь. Миша рассказывал о ней как о святой женщине. Наповал, ни за что ни про что. Я спрашиваю его: «Кто?» Он: «Такая скорость была, что разобрать нельзя, да и маска». — «За что? Зачем?» — спросил я. «Да чтоб другим было страшно, Женя...»

Это пьянство, так называемое пьянство крови, когда люди начинают сходить с ума, может быть, от чувства мщения, а потом и от озверения... Даже когда-то хорошие люди теряют разум.

Чем я могу еще помочь? Только молиться Богу, что я и делаю. Но я молюсь стихами, обращаясь и к людям. Ведь я могу давать оценку событиям только как человек, но каждый политик прежде всего тоже должен быть человеком. Я написал тетраптих, посвященный событиям в Украине. Я и к государству обратился в первой части: Государство, будь человеком¹. Две другие называются «Почти сон» и «Оплакиваемый самолет». Этими произведениями я сделал то, чего не делал ни один человек, близкий к Украине. Я призвал своих друзей-писателей тоже высказаться, потому что в моих стихах написано все, что думаю. Не люблю хвалить свою поэзию, но фабула прозрачная совершенно. Был такой случай, когда украинцы в Крыму шли на свою базу и встретили вот этих, так сказать, людей в зеленой форме. И ведь они как-то нашли друг с другом общий язык. «Почти сон» — об этом. И мое новое стихотворение «Медсестра из Макеевки». В нем полностью соблюдена презумпция невиновности — я не обвиняю ни одну из сторон отдельно, ведь главный преступник — сама война. Поэт Иван Елагин, мой

---

¹ См. стихотворение «Государство, будь человеком!» на стр. 422.

Самое главное сейчас — остановить кровь

друг-киевлянин, был мужем поэтессы — автора первого стихотворения «Бабий Яр», сочиненного в 1941-м, Ольги Анстей. Он написал великие предупреждающие строки: «Кто не убьет войну, того убьет война». Если мы не убьем эту войну в наших сердцах, она убьет всех нас.

Подписание договора о перемирии — единственный правильный шаг сегодня. Самое главное сейчас — остановить кровь. Все идеологии, вместе взятые, не стоят и одной человеческой жизни.

Любящий Россию и Украину

Евгений Евтушенко

АБРИКОСОВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Сейчас появилась какая-то эпидемиальная боязнь красоты в искусстве.

Очевидно, это подсознательно скептическое отношение к выражению Достоевского, что якобы красота спасет мир, и ко всяческим восклицаниям типа «мы еще увидим небо а алмазах» или «человек — это звучит гордо». Конечно, нелегко все это принимать за чистую монету после Холокоста и Архипелага Гулага и после вопиющей пропасти неравенства, когда безвкусное хвастовство вилами, брульянтами, яхтами унижает честных людей, когда они, чтобы выжить, бьются, как рыбы об лед, а престиж зазнавшейся политики катастрофически обвалился после повальной двустандартности и параноидального взаимоподслушивания. Тем не менее красота поведения людей, ухитряющихся не пачкаться, существует, и их больше, чем нам иногда кажется. Они и есть настоящие герои, но кажутся неудачниками-чудаками на фоне преуспевания тех, чья кажущаяся смелость предприимчивости основывается лишь на беззастенчивости, с которой они переступают через других. Вообще духовная красота сейчас Золушка. Повторяю — даже в искусстве.

Первые абстрактные картины Кандинского были очень красивыми, в них было что-то от красоты природы — от закатов, рассветов, радуг, северного сиянья.

Картины Поллока, особенно его «Собор», были полны красоты его ошеломляющего трагического темперамента и саморазрушительно задыхающейся от самой себя великой энергии. Картины Миро с его «миробабами» были очаровательны, как воскресшие в нем наскальные мотивы далеких предков.

Все это еще было живописью. Концептуализм с его туалетными афоризмами, надписями, со ржавыми кроватями, в которых валяются презервативы и грязные носки и нечто подобное, заполнил современные музеи. Это бывший бунт против мелкобуржуазной слащавости ныне с циничным практицизмом превратился в доходный «снобизнес». Гениальные скульптуры Генри Мура Джакометти сменились не мыслящими по-людски и не страдающими людям инсталляциями. Из музыки исчезла красота мелодии, хотя еще Скрябин нашел такие дивные таинственные ферромоны между звуками и красками. В литературе преобладают стеб, сарказм, скептицизм, переходящий в пессимизм, недостает кислорода, чувствуется смертельная боязнь авторов выглядеть слишком сентиментальными, быть обвиненными в высокопарности. Красота сиротливо жмется в угол, а то еще, не дай Бог, обвинят в красивости. Искусство сейчас или слишком подножно заземлено, или создает подделки неземного в бесконечных «фэнтези», представляющих лишь трусливое бегство от действительности. Секрет состоит в том, что все подлинно неземное находится именно на земле.

На сегодняшнем фоне повесть писателя и священника Михаила Моргулиса «Тоска по раю» — рискованное предприятие. Она написана с бесстрашной красотой. Она сама подставляется под насмешки, издевательства, пародии. Но у нее есть одно редкое сейчас для книг качество — в нее можно и влюбиться. Со мной случилось именно это. Чего стоит одно незабываемое выражение «абрикосовый поцелуй».

С кем же он мог произойти у автора — героя книги? Представьте, что героиня оказалась своего рода агентом «князя тьмы», его вроде бы послушной Матой Хари, чьей задачей, внушенной ей «князем тьмы», было рекрутирование других послушников. Но лишь притворяясь исполнительницей его воли, приказа, она на самом деле исполняла только то, что ей подсказывала любовь. Боже, какая фэнтезийная безвкусная мелодрама, всплеснут руками скептики. Увы, сама жизнь наша иногда похожа на мелодраму, да еще и побезвкуснее. Но героиня Моргулиса все-таки сошла в жизнь не из комиксов, а со страниц рассказа Джона Стейнбека «Рыжий пони», который я тоже знал с детства, как Моргулис, и назвавший свою героиню — Пони. В повести Моргулиса я нашел столько романтической сентиментальности, по которой мы так истосковались среди циничного трепя, так давно не слыша красивых сказок, и я закрыл последнюю страницу с огорчением, что она последняя, но и с детской благодарностью за то, что эта повесть или поэма в прозе смыла с меня недетскую, недоверчивую к сказкам усталость. Но разве своими сказками и Арина Родионовна, и Ханс Кристиан Андерсен, и Александр Грин обманывали нас, как это делали те, кто загонял нас в бараки и газовые камеры своих утопий? Моя детская вера даже в добрые сказки вот-вот уже могла перейти в безверие. Безверие во что? Да во все, за исключением людей, которых я люблю. А их, к счастью, много, и они есть во всех странах, где я был. Разве дорога к людям — это не есть дорога к Богу? Земля людей дорога нам тем, что именно она вызывает в нас самые неземные чувства. Трагедия и лермонтовского, и врублевского демонов в том, что они были этих чувств лишены их несыновней непринадлежностью к земле и при всей разнице характеров, как холоднокровные братья-близнецы, были обречены на одиночество одним и тем же прокля-

тием: «И ничего во всей природе / Благословить он не хотел». Поэтому лишенное простой человеческой теплоты все сверхчеловеческое, чего изо всех сил хотят добиться лишь закомплексованные посредственности, ведет к сомнительному счастью по заслугам несчастных — к ненависти. Один из моих сыновей, Саша, процитировал мне в рождественском письме этого года то, что сказал однажды Нельсон Мандела, от которого даже за 27 лет тюрьмы его мучители не добились ненависти: «Ненависть — это тот яд, который мы пьем, думая, что он убьет наших врагов».

Но самая мучительная участь среди мертвечины все-таки живучесть...

Я даже попытался превратить эту статью в диалог афоризмов, но вдруг почувствовал, что он самовольно перестраивается в нечто не столь умственное, сколь в шаловливо-живое, песенное, залихватское, чуть леценковское, что ли, и почему бы и нет:

Что взгрустнула ты, Машенька, Маша,
радость, что ли, тебя обошла?
Жизнь, как будто бы каша-малаша,
твои губы опять обожгла?

Даже если любовь и наивна,
она ненависти умней,
зависть ведьмой вещает надрывно,
но давай не доверимся ей.

Вы не верьте дурному слову
всех соперниц или жлобов.
Пусть подсовывают вам злобу —
все равно выбирайте любовь.

Среди всяких тусовок и шаек
осторожней лети кувырком,
наш земной сумасшедшенький шарик,
я люблю тебя — весь целиком!

Никого не любить — некрасиво,
как зимою снежков не лепить,
и любить невозможно Россию,
если в ней никого не любить!

2014

Вот куда меня занесло порывом рождественской метели от страниц повести моего дорогого Миши Моргулиса. Впрочем, от его прозы можно было ожидать всяких приключений, ибо она весьма недисциплинированная, если подходить к ней со строгими правилами.

Точных аналогов у этой книги нет — есть только нежные точки соприкосновения с «Маленьким Принцем» Сент-Экзюпери или с повестью «Джонатан Ливингстон, чайка» американского пилота Ричарда Баха, вышедшей в семидесятом году, и ею зачитывались тогда почти все американцы тинейджерной психологии, что не всегда совпадает с возрастом, в том числе и с моим.

Удивительная по своей нравственной чистоте моя американская подружка, чуть старше двадцати двух лет, читала мне вслух философию этого человеко-чайки, когда, выражаясь библейским языком, мы «изнемогали от любви». Над этой книгой в США высокомерно посмеивались критики и прозаики, но думаю, что от зависти, ибо она была под сотнями тысяч подушек, надышанных снами. Эта повесть была слишком простодушна для скептиков, но зато многих отчаявшихся она спасала и от наркомании, и от самоубийств, вернув им веру в себя и в жизнь через слова из клюва чайки.

Моргулис понял силу сказки, созданной им, и сам в нее вошел, и пережил ее, не подозревая, что с ним случится. А случилось самопреображение. Любовь преобразует нас, и рыжая Пони стала не только его Ариадной, но и самой собой. Они оба преобразились,

и дар этого самопреображения подарили появившемуся в книге мальчику, который как будто ждал своего часа, когда его заметит какая-нибудь сказка и даст ему руку. О, как нам нужна так редчающая духовная порода земных и одновременно неземных людей, потому что только с неземной высоты иногда можно увидеть то, как можно людям помочь избавиться от грозящих им бед на земле, что стало уже составляющей практического провидчества космонавтики. Опять, невежливо ломая строй прозы, откуда-то из меня лезут ритмы и рифмы, хотя и не такие уж плохие:

Есть мальчики особые.
Им дико,
что называют разом всех —
Индиго.

Эта книга и адресована в общем-то таким мальчишкам, даже задержавшимся в тинейджерстве надолго, как один мой знакомый, которого я частенько вижу в зеркале, и девчонкам, в чем-то похожим на мальчишек, в том числе и моей жене, которая до сих пор гордится тем, что у нее на носу горбинка от хоккейной шайбы, когда она играла в Петрозаводске не на катке, а просто на улице проволочной клюшкой.

Я сразу уловил, что в этой книге есть особая мелодия, как будто между строк у нее скрыты ноты, и подумал, что это, видимо, «Концерт детства» Шумана. Оказывается, я догадался. Попробуйте сделать то же самое, поставьте этот концерт и начните читать эту книгу. Это волшебное соитие. Не воспринимайте эту книгу лишь религиозно. Завистливая борьба «князя тьмы» с его соперником за человеческие души — это поэтическая метафора борьбы человечности с бесчеловечностью, вооруженной столькими соблазнами, и самый опасный из них — это губительное лицемерие, притворяющееся спасением, хотя в его глазах нет-нет